

ВЕРА КРЫЖАНОВСКАЯ

Порядице брака

RUGRAM

МОСКВА
2022

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
К85

Крыжановская В.

К85 Торжище брака / В. Крыжановская. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 472 с. — (Жизни и судьбы).

ISBN 978-5-521-77624-5

Вера Ивановна Крыжановская (1857–1924) — русская романистка, известная женскими, историческими и оккультными произведениями.

«Торжище брака» — увлекательный роман о сильной и смелой девушке, которая даже в самые драматические моменты жизни не изменяет принципам и преодолевает невзгоды. Эта удивительная история о всепобеждающей силе любви, вере и настоящей мужественности надолго запомнится читателю.

BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-77624-5

© RUGRAM, 2022

© Т8 Издательские технологии, 2022

ГЛАВА I

В чудный майский вечер 1879 года несколько молодых девиц с воодушевлением болтали в обширном дортуаре, рассматривая содержимое бесконечного числа ящиков и картонок, разбросанных по полу и столам, которые стояли между кроватями, однообразно застланными белыми шерстяными одеялами.

Волнение пансионерок было вполне понятно. Все они находились накануне столь нетерпеливо ожидаемого дня. Завтра, после обедни и раздачи дипломов, они навсегда расстанутся с аристократическим пансионом Гортензии Виллис, вступят в светскую жизнь, столь заманчивую с виду, в которой каждая из них, наверное, рассчитывала найти счастье.

Молодые девушки без усталости примеряли наряды, присланные им из дому, сравнивали и любовались ими. Мало-помалу они разбились на группы, и вопрос о нарядах сменился мечтами о будущем. Четыре девушки устроились у открытого окна и вполголоса беседовали об ожидающих их летних и зимних удовольствиях.

Одна из них, обладавшая очень громким голосом, отличалась особенной неутомимостью при перечислении предстоявших ей балов и вечеров, а также костюмов и бриллиантов, которыми она собиралась блеснуть на них; но с особенным удовольствием она останавливалась на многочисленных победах, которые она, без всякого сомнения, будет одерживать в свете.

Эта неутомимая воркунья, отличавшаяся высоким ростом и замечательно крепким телосложением, имела самую обыкновенную, хотя и решительную фигуру: чересчур развитый бюст, громадные руки и малосимпатичное лицо, которому большой рот, белые, острые зубы и вздернутый нос придавали какое-то вульгарное выражение. Звали ее Екатерина Карповна Мигусова. Она была дочерью одного очень богатого купца, сумевшего, благодаря своим миллионам, проникнуть в высшее общество, охотно посещавшее роскошные праздники и лукулловские обеды, устраиваемые в его великолепном доме. Он отдал свою дочь Екатерину в аристократический пансион госпожи Виллис не только с целью дать ей хорошее образование, но и ради того, чтобы она могла завязать знакомства с аристократическими семействами.

— А ты о чем грустишь, Тамара? — спросила одна из пансионерок, перебывая болтовню Мигусовой и обращаясь к одной из молодых девушек, которая давно уже умолкла и сидела в глубокой задумчивости.

— Нет, Надя, я не грущу, а просто задумалась о предстоящем отъезде, — ответила Тамара, целуя свою подругу, красивую блондинку.

— Если бы она и загрустила, то в этом ничего нет удивительного! Нельзя назвать особенно приятной перспективу покинуть Петербург и своих родных, чтобы ехать в Швецию, к чу-

жим людям! — вмешалась в разговор Мигусова. — Откровенно сказать, я ничего не понимаю в дикой идее твоего отца, и на твоём месте, Тамара, я категорически объявила бы ему, что не хочу ехать! Отец очень любит тебя и, конечно, видя твою настойчивость, уступит твоему желанию.

— Нет! То, что ты предлагаешь мне, невозможно: я не могу не исполнить последней воли моей покойной матери.

— Но почему же она желала этого отъезда?

Лицо Тамары омрачилось, когда она ответила тихим голосом:

— Ведь вы знаете, что мама ещё за несколько лет до своей смерти разошлась с моим отцом. Предвидела ли она, что он женится на другой, я не знаю; но только при свидании с ним, перед самой своей кончиной, она потребовала, чтобы меня отдали в пансион и чтобы все каникулы я проводила у госпожи Эриксон — её кузины и лучшего друга; там же я должна прожить четыре года по окончании курса. Мой отец поклялся исполнить желание умирающей и сдержал свое слово. Неужели же я буду настолько легкомысленной, что воспротивлюсь воле умершей матери? К тому же я еду в Стокгольм без всякого отращения. Я и моя мачеха вовсе не симпатизируем друг другу, она как тень стоит между мной и отцом. У тетушки же Эвелины я чувствую себя хорошо и очень люблю как её, так и её домашних. Ты знаешь, я всегда интересовалась живописью и если достигла в ней некоторого искусства, то обязана этим исключительно господину Эриксону — профессору живописи и известному портретисту. Он каждое лето серьезно занимался со мной и сказал, что если я хорошо поработаю в продолжение четырех лет, которые должна провести у них, то из меня выйдет настоящая художница.

Говоря это, Тамара воодушевилась, щеки ее покрылись румянцем, глаза засверкали наивным энтузиазмом. Это была очаровательная молодая девушка, резко выделявшаяся среди своих подруг необыкновенным изяществом форм: руки у нее были маленькие, как у ребенка, миниатюрное личико хотя и не отличалось классической правильностью черт, но, благодаря поразительной белизне кожи, розовому роту и большому, прекрасно очерченным серым блестящим глазам, дышало какой-то неотразимой прелестью.

— Сделаться художницей? Вот так будущность, нечего сказать! — заметила с презрительной гримасой Мигусова. — И зачем? Благодаря Богу тебе нет необходимости зарабатывать кистью свой хлеб! Но я уже предвижу, что там, в Стокгольме, ты сделаешься настоящей мещаночкой, которая только и будет бредить живописью и хозяйством и в конце концов выйдет замуж за какого-нибудь меланхолического шведа. Брр!.. Они, говорят, ревнивы как турки! Нет, что касается меня, я отказываюсь от подобной будущности!.. Я даже не думаю выходить замуж раньше, чем через два или три года. Я хочу наслаждаться свободой, веселиться сколько мне угодно — и только почувствовав себя утомленной, выйду замуж за графа или князя.

Тамара, слушавшая ее сначала с недовольным видом, разразилась под конец громким и веселым смехом.

— Ты сама не думаешь о том, что говоришь, Катя... Ты должна выйти замуж только за того, кого полюбишь... А если любимый человек окажется без титула?.. Или представь себе (при этом на лице молодой девушки появилась лукавая улыбка), что не найдется ни одного князя или графа, который пожелал бы сделать тебя своей женой? Тогда как?

Маленькие голубые глазки Кати засверкали, губы сложились в насмешливо-презрительную улыбку.

— Нет, мой друг, это ты не понимаешь того, что говоришь... Наши графы и князья, по большей части, так хорошо сумели распорядиться своими состояниями, что теперь как рыба воды жаждут обладать богатой наследницей. Не пожелают взять меня в жены! Не беспокойся! Ты забываешь, что мы живем в век материализма и что у меня миллион приданого... Не пустые обещания, а миллион, лежащий чистыми денежками в государственном банке, не считая моих туалетов, бриллиантов, серебра и прочего. Нет, эта приманка привлечет ко мне столько князей и графов, что мне останется только выбирать из них любого!

— Миллион!.. Какое огромное состояние! — заметила третья молодая девушка с выражением зависти на бледном лице. — Какая ты счастливая, Катя! А мне бабушка дает только восемьдесят тысяч рублей.

— Ну, и это очень приличная сумма, ты можешь быть покойна: у тебя также не будет недостатка в обожателях, — возразила снисходительно Катя. — Вот бедной нашей Наде будет труднее пристроиться, если только она не одержит победы над толстым полковником, уже два раза привозившим ей конфеты, — закончила она с громким смехом.

Тамара слушала, сдвинув брови.

— Фи! — перебила она разговаривавших. — Вы рассуждаете о своем приданом и считаете рубли, как два еврея-ростовщика! Ну, а сами-то вы ничего не стоите?.. По моему мнению, в деле брака только одна любовь должна иметь влияние на выбор, а никак не деньги.

— Не в наше время! Теперь только и говорят о деньгах, — возразила Катя. Вот вам пример: прошлой осенью один из приятелей моего отца, Сосунов, выдал свою дочь за барона. Вы видели Прасковью Сосунову — она не раз навещала меня. Она не молода и не красива, кругла как мяч, с лицом, покрытым веснушками, а между тем ее муж, молодой и красивый мужчина, уверяет, что страстно любит ее.

— И она верит? — спросила Тамара.

— Конечно; я кусала платок, чтобы не расхохотаться, когда Паша рассказывала, как муж ее обожает. Я, конечно, понимала, что источником этого обожания служат триста тысяч приданого, которыми отец благоразумно обеспечил свою дочь. Но довольно об этом! Пойдем, Наташа, я покажу тебе только что присланный мне браслет.

Как только Катя с Наташей удалились, Надя обняла Тамару за талию и прислонилась головой к ее плечу. Она вся вспыхнула при намеке Мигусовой на то, что у нее нет состояния, и теперь была, видимо, возбуждена.

— Тамара, посоветуй мне в одном деле, которое я хочу тебе доверить...

И, не дожидаясь ответа подруги, она продолжала:

— Ты знаешь, что у меня нет никакого состояния и только благодаря тетке я получила здесь образование. У нее я и буду жить. Ну, так вот: моя тетка хочет, чтобы я вышла замуж за того самого полковника Кулибина, над которым только что насмеялась Катя. Правда, он не очень красив и ему сорок два года, но он богат, и моя тетка уверяет, что, выйдя за него, я сделаю гораздо лучшую партию, чем моя сестра Леля, вышедшая замуж за пехотного офицера, который иногда не знает, как дожить до конца месяца.

— А ты любишь полковника Кулибина? — спросила серьезно Тамара. — Если ты его не любишь, то как можешь ты выйти за него замуж? Как ты будешь уверять его в своей любви?

— О, тетка уже говорила ему, что я уважаю его и что он очень мне нравится, — с живостью перебила Надя. — К тому же, подумай только: ведь если я не выйду замуж, то мне придется давать уроки! Я же думаю, что предпочтительнее замужество.

— Я не согласна с тобой: в тысячу раз лучше работать, чем лгать и продавать себя, чем на всю жизнь связать себя с нелюбимым человеком.

— Я не буду лгать, я постараюсь полюбить его и к тому же докажу Мигусовой, что могу устроиться не хуже других. Впрочем, все это одни только предположения. Я буду извещать тебя о ходе этого дела.

— Я надеюсь, что ты будешь часто писать мне. Но посмотрим, Ксения уже закончила свое письмо. Пойдем и поболтаем с ней в последний раз. Бог знает, когда мы увидимся и куда забросит нас судьба!

Звон колокола, призывающего учениц к ужину, прекратил в эту минуту все разговоры. Подобно стае испуганных птиц молодые девушки выпорхнули из дортуара.

Утро следующего дня с различными церемониями пролетело как сон. Настала минута отъезда. В зале, окруженные остающимися пансионерками и родителями, молодые девушки, раскрасневшиеся от волнения и радости, прощались с директрисой, учителями и остающимися подругами. Слышались клятвы в вечной любви и обещания как можно чаще писать друг другу.

Поцеловав в последний раз Надю и Наташу, Тамара побежала к одетому в гражданское платье мужчине, с улыбкою ожидавшему ее в обществе старого моряка.

— Вот, наконец, и я, папа! — вскрикнула она, бросаясь в его объятия и горячо целуя его.

— А меня разве ты не поцелуешь, неблагодарная девочка? — спросил старый моряк, подавая своей крестнице великолепный букет.

— Конечно, поцелую, крестный! Ведь ты знаешь, как я люблю тебя! Только не могу же я целовать вас обоих в одно и то же время, — ответила, смеясь, Тамара.

Накинув свое пальто, молодая девушка под руку с отцом стала спускаться с лестницы.

— Ты сделалась совсем взрослой барышней, и я сожалею только о том, что ты скоро опять покинешь нас, — заметил, улыбаясь, моряк.

— Что делать? — вздохнула Тамара, глядя на погрустневшее лицо отца.

Николаю Владимировичу Ардатову было около пятидесяти лет. Несмотря на седеющие волосы, это был еще красивый, вполне сохранившийся мужчина. Он отличался тонкими, правильными чертами лица, большими серыми, полными огня, глазами и необыкновенно изящными манерами. Георгиевский крест на его сюртуке свидетельствовал, что он не без пользы послужил своему отечеству.

Адмирал Сергей Иванович Колтовской был старым товарищем и другом Николая Владимировича. Будучи старым холостяком, он всей душой привязался к своей крестнице, Тамаре, и полюбил ее как родную дочь.

Во время переезда один адмирал болтал с Тамарой, Ардатов же всю дорогу был задумчив и молчалив. Только когда коляска

